

Robert
GRAVES
1895–1985

Роберт
ГРЕЙВС

Я, Клавдий

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44
Г 79

Robert Graves
I, CLAUDIUS

Copyright © by the Trustees of the Robert Graves Copyright Trust
All rights reserved

This edition published by arrangement with A P Watt
at United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского Галины Островской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Грейвс Р.

Г 79 Я, Клавдий : роман / Роберт Грейвс ; пер. с англ.
Г. Островской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус,
2016. — 544 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-09281-5

Роберт Грейвс, британский поэт, романист, критик, исследователь мифологии и поэтики, оставил обширное творческое наследие, среди которого ярким блеском выделяется историческая дилогия о жизни императора Клавдия. Родившийся с многочисленными физическими недостатками, своеобразный «идиот в семье», Клавдий таким образом был избавлен от кровавых интриг и переворотов, что фактически спасло ему жизнь. Тихий юноша, увлекавшийся философией и историей, находился в стороне от драматических перипетий своего времени, что позволяло ему наблюдать и размышлять об их значении. Однако непредсказуемые события привели дурачка-заика к управлению мощнейшей империей Древнего мира.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44

© Г. Островская (наследники), перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09281-5

...Повествование, которое подвергалось самым различным искажениям не только теми, кто жил в те времена, но также и в последующие годы, — это только верно, что все выдающиеся труды предаются сомнению и забвению — причем одни выдают за факты самые сомнительные слухи, другие — объявляют ложью то, что действительно имело место; последующими поколениями в обоих случаях допускались преувеличения.

Тацит

ОТ АВТОРА

Слово «золотой» употребляется здесь в значении общепринятой денежной единицы и соответствует латинскому *aureus*, монете, равной ста сестерциям или двадцати пяти серебряным динариям («серебряная монета»); это приблизительно то же, что английский фунт стерлингов или пять американских долларов. Римская миля на тридцать шагов короче английской. Даты на полях для удобства даны в современном летоисчислении; по греческому летоисчислению, используемому Клавдием, отсчет годов начинается от первой Олимпиады, которая происходила в 776 году до н. э. Из тех же соображений приводятся общепринятые сейчас географические названия; отсюда — Франция вместо Трансальпийской Галлии, так как Франция занимает приблизительно ту же территорию, а назвать такие города, как Ним, Булонь и Лион, на современный лад — их классические названия не будут узнаны широким читателем, — помещая их в Трансальпийскую Галлию, или, как ее именовали греки, Галатию, будет непоследовательно с моей стороны. (Греческие географические термины могут только запутать; так, Германия называлась у них «Страна кельтов».) Подобным образом в книге использовались наиболее привычные формы имен собственных — Ливий для *Titus Livius*, Кинобелин для *Cunobelinus*, Марк Антоний для *Marcus Antonius*.

Временами было трудно найти соответствующий аналог военных, юридических и других терминов. При-

веду один-единственный пример со словом «ассагай» (метательное копьё с железным наконечником). Рядовой авиации Т. И. Шоу (которого я, пользуясь случаем, благодарю за тщательную вычитку корректуры этой книги) сомневается в правильности употребления слова «ассагай» для передачи германского *framea* или *rfreim*. Он предлагает взять слово «дротик». Но я не принял его предложения, в отличие от всех прочих, за которые весьма признателен, так как «дротик» был нужен мне для перевода слова *pilum* — обычное метательное оружие регулярной римской пехоты, — а «ассагай» звучит более устрашающе и более подходит для оружия дикарей. Слово это у нас в ходу вот уже триста лет, а в девятнадцатом веке благодаря войне с зулусами стало еще употребительнее. *Framea*, копьё с длинными древками и железными наконечниками, использовались, согласно Тациту, и как метательное, и как колющее оружие. Точно таким же образом применяли *ассагай* зулусские воины, с которыми у германцев времен Клавдия было много общего в материальной культуре. Совместить утверждения Тацита об удобстве *framea* в ближнем бою и тем, будто бы ими было несподручно сражаться в лесу среди деревьев, можно, лишь сделав вывод, что германцы, скорее всего, поступали так же, как и зулусы, а именно: отламывали конец длинного древка *framea*, когда начиналась рукопашная. Но до этого редко доходило, так как германцы предпочитали при столкновении с лучше вооруженной римской пехотой тактику молниеносных ударов и столь же молниеносного бегства.

В своем труде «Жизнь двенадцати цезарей» Светоний говорит, что «Истории» Клавдия написаны «не столько безвкусно, сколько бестолково»¹. Однако, если некоторые абзацы этой книги написаны не только

¹ *Гай Светоний Транквилл*. Книга пятая, «Жизнь двенадцати цезарей», 41, (3). Перевод М. Л. Гаспарова.

бестолково, но и тяжеловесно — неуклюжие фразы, неудачно построенные отступления, — это вполне соответствует стилю Клавдия, с которым мы знакомимся по дошедшим до наших дней отрывкам его речи на латыни относительно привилегий, дарованных им эдуям. В ней полно языковых погрешностей, но, возможно, перед нами просто копия официальной стенографической записи слов Клавдия, обращенных к сенату, — речь старого человека, добросовестно пытающегося выступить без подготовленного заранее текста, имея под руками лишь листок с набросанными наспех заметками. Книга «Я, Клавдий» написана разговорным слогом, да и сам греческий куда более разговорный язык, чем латынь. Найденное недавно письмо Клавдия александрийцам (на греческом), которое, однако, частично может принадлежать перу императорского секретаря, куда легче читать, чем речь к эдуям.

За исправление неточностей при передаче классических реалий я должен поблагодарить мисс Айлис Робертс, а за критические замечания по поводу стилистического соответствия английского текста поставленной задаче — мисс Лору Райдинг.

*Р. Г.
1934*

ГЛАВА 1

Я, Тиберий Клавдий Друз Нерон Германик и прочая, и прочая (не стану докучать вам перечислением всех моих титулов), которого некогда, и не так уж давно, друзья, родные и знакомые называли «идиот Клавдий», или «этот Клавдий», или «Клавдий-заика», или «Клав-Клав-Клавдий», или в лучшем случае «бедный дядя Клавдий», намерен написать историю своей не совсем обычной жизни, начиная с раннего детства, год за годом, пока не достигну того рокового момента, изменившего мою судьбу, когда восемь лет назад, в пятьдесят один год, я попал в — если можно так сказать — золотые сети, из которых до сих пор не могу выпутаться.

Это будет отнюдь не первая моя книга: по правде говоря, литература, а в особенности история — еще в юности я изучал этот предмет под руководством лучших историков Рима, — была, до того как наступила вышеупомянутая перемена, моей единственной профессией, единственным моим интересом в течение тридцати пяти лет. Поэтому читатели не должны удивляться тому, что я пишу как профессионал; книгу эту сочинил действительно я, Клавдий, а не мой секретарь и не официальный летописец, один из тех, кому общественные деятели имеют привычку вверять свои воспоминания в надежде, что изящная форма восполнит убожество содержания, а лесть смягчит пороки. Клянусь всеми богами, у меня был лишь один секретарь — я сам,

и сам я был своим летописцем; я пишу своей собственной рукой, и чего, спрашивается, я добьюсь у себя самого, если стану льстить сам себе? Могу добавить, что это даже не первая история моей жизни, написанная мной. Я уже написал восемь томов на эту тему в дар городскому архиву. Прескучная книга, которую я не ставлю ни в грош, но что было делать — положение обязывает. Честно говоря, я был в то время — два года назад — крайне занят другими делами. Первые четыре тома я продиктовал своему секретарю-греку и велел ему ничего не трогать (разве что сделать фразу гармоничней или убрать противоречия и повторы). Но должен признаться, что вторая половина этой работы и несколько глав из первой были состряпаны этим самым секретарем, Полибием (которого еще мальчиком-рабом я так назвал в честь знаменитого историка), на основе данного ему мной материала. Он настолько точно скопировал мой слог, что никто бы не догадался, что там мое, что — его.

Повторяю, это прескучная книга. Я не мог позволить себе критиковать императора Августа, моего двоюродного деда по материнской линии, или его третью, и последнюю, жену Ливию Августу, мою бабуку, потому что оба они были официально обожествлены, а я был связан с их культами в качестве жреца, и хотя мне ничего не стоило подвергнуть очень резкой критике недостойных преемников Августа на императорском троне, я воздержался от этого из соображений приличия. Было бы несправедливо оправдывать Ливию, да и самого Августа, который доверял и подчинялся этой удивительной и — не буду скрывать — чудовищной женщине, и рассказывать правду о двух других императорах, не находящихся под защитой нашего страха и благоговения перед богами.

Я сознательно сделал эту книгу скучной, запечатлев в ней лишь такие бесспорные факты, как, например,

то, что такой-то женился на такой-то, дочери такого-то, который может похвалиться таким-то количеством почестей и наград, но не упоминал при этом политическую подоплеку этого союза или закулисные сделки между семействами. Или писал, что такой-то внезапно умер, поев африканских фиг, не обмолвясь и словом о яде или о том, кому эта смерть пошла на пользу, если только факты не были подтверждены решением уголовного суда. Я не лгал в этой книге, но и не говорил правды в том смысле, в каком намерен говорить здесь. Когда я на днях пошел на Палатинский холм в Аполлонову библиотеку и взял эту книгу, чтобы освежить в памяти кое-какие подробности и даты в главах, посвященных государственным событиям, мне встретились абзацы, относительно которых я мог бы поклясться, что их писал или диктовал я сам — мой стиль не спутаешь ни с чьим другим, — но я абсолютно этого не помню. Если их автор — Полибий, то эти абзацы — пример на редкость ловкого подражания (не спорю, он мог изучать другие мои произведения), но если они все же написаны мной самим, значит память у меня даже хуже, чем говорят мои враги. Перечитав последние строки, я вижу, что не столько снимаю с себя, сколько возбуждаю подозрение, во-первых, в том, единственный ли я автор этого труда, во-вторых, в том, можно ли мне верить как историку, и, в-третьих, в том, хорошо ли я помню факты. Но я не стану ничего менять; я пишу то, что чувствую, пишу своей собственной рукой, и чем дальше пойдет мой рассказ, тем менее у читателя будет оснований сомневаться, что я что-то утаил, — слишком многое здесь будет не в мою пользу.

История эта останется в тайне. Но кому-нибудь же, могут меня спросить, я ее раскрою? Отвечаю: моя книга адресована потомкам. Я не имею в виду правнуков или праправнуков, я имею в виду очень далеких потомков. И все же я надеюсь, что вам, мои возможные

читатели, которых отделяет от меня сто с лишним поколений, будет представляться, будто я обращаюсь непосредственно к вам, словно ваш современник, так точно, как давно почившие Геродот и Фукидид часто, кажется, обращаются ко мне. Но почему я указываю на таких отдаленных потомков? Сейчас объясню.

Чуть меньше чем восемнадцать лет назад я отправился в Кумы в Кампании, чтобы посетить сивиллу в пещере горы Гавр. В Кумах всегда есть сивилла, потому что, когда одна умирает, ей наследует другая, ее прислужница, но не все они равно знамениты. Некоторым из них за все долгие годы их службы Аполлон так ни разу и не даровал права произнести прорицание. Другие пророчествуют, но, судя по той бессмыслице, которую они произносят, вдохновляет их не Аполлон, а Вакх, отчего в прорицания вообще перестали верить. До того как сивиллой сделалась Деифоба, к которой часто обращался за советом Август, и Амалфея, которая все еще жива и весьма известна, в течение трехсот лет одна сивилла была хуже другой. Пещера их находится позади небольшого греческого храма, посвященного Аполлону и Артемиде, — Кумы были эолийской греческой колонией. Над портиком храма виден старинный золоченый фриз, приписываемый Дедалу, что явная нелепость, так как храму не больше пятисот лет, если не меньше, а Дедал жил по крайней мере тысячу сто лет назад. На фризе изображена история Тезея и Минотавра, которого Тезей убил в Лабиринте на Крите. Прежде чем я получил разрешение посетить сивиллу, я должен был принести на алтарь храма жертву Аполлону и Артемиде: первому — вола, второй — овцу. Стоял декабрь, погода была холодная. Пещера, вырубленная в толще скалы, вселяла ужас, подъем туда был крутой, извилистый и темный; к тому же там было множество летучих мышей. Я пошел переодетым, но сивилла узнала меня. Выдало меня заикание. В детстве я заикался очень сильно, и, хотя, следуя советам знатоков

ораторского искусства, постепенно научился контролировать свою речь на официальных церемониях, в частной, не подготовленной заранее беседе я все еще, бывает, хотя и реже, чем раньше, спотыкаюсь от волнения о собственный язык: это и случилось со мной в Кумах.

Вскарабкавшись с трудом на четвереньках по крутой лестнице, я вошел во внутреннюю пещеру и увидел сивиллу, больше похожую на обезьяну, чем на женщину; она сидела на кресле в клетке, свисающей с потолка, на ней был красный плащ, немигающие глаза горели красным огнем в свете одного-единственного красного луча, падающего откуда-то сверху. Беззубый рот ухмылялся. Вокруг пахло смертью. Но я все же умудрился выжать из себя заранее приготовленное приветствие. Она ничего не ответила. Только спустя какое-то время я догадался, что это была лишь мумия Деифобы, предыдущей сивиллы, умершей не так давно в возрасте ста десяти лет; в глазницы ей были вставлены стеклянные шары, посеребренные сзади, чтобы они сверкали. Все сивиллы всегда жили вместе со своей предшественницей. Я простоял несколько минут перед Деифобой, дрожа и заискивающе улыбаясь, чтобы умиловить ее, — эти минуты показались мне вечностью. Наконец передо мной явилась настоящая сивилла, еще совсем молодая женщина по имени Амалфея. Красный луч погас, Деифоба исчезла (кто-то, наверно прислужница, прикрыл окошечко из красного стекла), а сверху ударил новый луч света — белый — и осветил Амалфею, сидевшую в глубине темной пещеры на троне из слоновой кости. Ее безумное лицо с высоким лбом было прекрасно; она сидела так же неподвижно, как Деифоба. Глаза были закрыты. У меня подогнулись колени, и я с трудом проговорил:

— О сив-сив-сив... — не в силах перестать заикаться.

Она открыла глаза, нахмурилась и передразнила меня:

— О Клав-Клав-Клав...

Мне стало стыдно, я вспомнил, зачем я сюда пришел, и, сделав над собой усилие, сказал:

— О сивилла, я пришел спросить тебя о судьбе Рима и своей собственной судьбе.

Постепенно ее лицо изменилось, ее охватил пророческий экстаз, тело ее задергалось, дыхание участилось, по всем уголкам пещеры пронесся вихрь, захлопали двери, у моего лица воздух со свистом рассекли чьи-то крылья, свет погас, и Амалфея голосом бога произнесла по-гречески следующее стихотворение:

Кто был Проклятьем поражен,
Кого томит монеты звон,
Недугом сломлен будет он:

Во рту личинки синих мух,
Глаза червивы, отнят слух,
Забывтый, он испустит дух.

Затем, потрясая руками над головой, продолжала:

Десять лет промчат стремглав,
Дар получит Клав-Клав-Клав.
Он не рад ему — и прав:

Вкруг себя собравши знать,
Будет мямлить и мычать —
Что с придурочного взять...

Но пройдут за годом год
Лет так тыща девятьсот —
Всякий речь его поймет¹.

И тут бог расхохотался ее устами — прекрасный, но устрашающий звук: «Ха! Ха! Ха!» Я почтительно поклонился, поспешно повернул к выходу и заковылял прочь; на сломанной лестнице я растянулся, поранив лоб и колени, кувырком слетел вниз и еле живой

¹ Здесь и далее стихи в переводе М. Карп.

выбрался наружу. Всю дорогу меня преследовал громopodobный смех.

Будучи профессиональным историком и жрецом, получив возможность изучать упорядоченные Августом Сивиллины книги и имея теперь опыт в расшифровке прорицаний, я могу интерпретировать эти стихи с известной долей уверенности. Под «Проклятьем» сивилла явно имела в виду проклятие небес, которое уже многие годы преследовало нас, римлян, за разрушение Карфагена. Именем наших главных богов, в том числе Аполлона, мы поклялись Карфагену в дружбе и защите, а затем, позавидовав тому, как он быстро оправился от бедствий, причиненных Второй Пунической войной, обманом вовлекли его в Третью Пуническую войну и полностью разрушили, истребив поголовно всех его обитателей и засеяв поля солью. «Звон монеты» — главное орудие этого Проклятья — безумная алчность, охватившая Рим, после того как он уничтожил своего главного соперника в торговле и сделался господином всех богатств Средиземного моря. Богатство повлекло за собой праздность, жадность, жестокость, бесчестность, трусость, изнеженность и все прочие ранее не свойственные римлянам пороки. Что это за «дар», которому я был не рад — я получил его точно в указанный срок, — вы узнаете в свое время из этого повествования. Над словами о том, что спустя много лет всякий поймет мою речь, я ломал голову не один год, но теперь, думаю, наконец уразумел их смысл. Эти слова — повеление написать настоящую книгу. Когда я ее закончу, я пропитаю ее предохраняющим составом, запечатаю в свинцовый ларец и закопаю глубоко в землю, чтобы потомки могли выкопать ее и прочитать. Если я правильно понял сивиллу, это произойдет примерно через тысячу лет.

И вот тогда, когда все другие нынешние авторы, произведения которых доживут до тех дней, будут ка-

заться заиками, а слог их хромым — ведь они пишут лишь для своих современников, притом с оглядкой, — моя книга расскажет обо всем ясно и без утайки. Возможно, поразмыслив, я не стану брать на себя труд запечатывать ее в ларец. Я просто оставлю ее где-нибудь — пусть лежит. Мой опыт историка говорит, что документы чаще сохраняются благодаря случаю, чем сознательным действиям. Аполлон напрозорчил все это, пусть он и позаботится о рукописи. Как вы видите, я решил писать по-гречески, так как, по моему убеждению, греческий всегда будет всеобщим языком литературы, а если Рим сгинет, как предсказала сивилла, то вместе с ним сгинет и латинский язык. К тому же греческий — язык самого Аполлона.

Я буду аккуратен с датами (которые, как вы видите, я выношу на поля) и с именами собственными. Мне даже вспоминать не хочется, сколько, работая над историей Карфагена и Этрурии, я провел мучительных часов, пытаясь отгадать, в котором году произошло то или иное событие, действительно ли такого-то человека звали так-то, или он был сыном, внуком, возможно даже правнуком, этого человека, а то и вовсе не состоял с ним в родстве. Постараюсь избавить будущих историков от подобных мук. Так, например, в моей книге есть несколько персонажей по имени Друз: мой отец, я сам, мой сын, мой двоюродный брат, мой племянник; всякий раз, как я буду упоминать это имя, я буду отмечать, кого именно я имею в виду. Еще один пример: говоря о своем наставнике Марке Порции Катоне, я не оставлю никаких сомнений в том, что он не был ни Марком Порцием Катонем Цензором, развязавшим Третью Пуническую войну, ни его сыном с тем же именем, известным знатоком законов и автором юридических трудов, ни его внуком-консулом, которого звали точно так же, ни правнуком с тем же именем, врагом Юлия Цезаря, ни праправнуком, убитым в битве

при Филиппах, а был его абсолютно ничем не прославившимся прапраправнуком все с тем же именем, который никогда не занимал никаких высоких общественных постов, да и не заслуживал их. Август сделал его моим наставником, а затем воспитателем молодых римлян из знатных семей и сыновей иноземных царей, ибо, хотя его имя давало ему право занимать самые высокие должности, его жестокость, глупость и педантизм не позволяли ему стать ничем, кроме простого учителя.

Чтобы определить время, когда происходили эти события, я думаю, самое лучшее будет сказать, что я родился в 774 году от основания Рима Ромулом и спустя

10 г. до н. э.

семьсот шестьдесят семь лет после первой Олимпиады и что император Август, чье имя вряд ли будет забыто даже через тысячу девятьсот лет, к тому моменту уже двадцать лет правил Римом.

Прежде чем закончить эту вступительную главу, я должен добавить еще кое-что насчет сивиллы и ее прорицаний. Я уже говорил, что, когда одна сивилла умирает, ей наследует другая и что одни из них более известны, чем другие. Большой славой пользовалась Демофила, с которой советовался Эней, прежде чем спуститься в подземный мир. Известна также Герофила, которая явилась к царю Тарквинию и предложила купить у нее свиток с прорицаниями. Когда он отказался, так как цена показалась ему чересчур высокой, она, как говорит легенда, сожгла часть свитка и предложила ему купить то, что осталось, за прежнюю цену. Он опять отказался. Тогда Герофила сожгла еще кусок и снова предложила Тарквинию оставшееся по той же цене, и на этот раз царь из любопытства ей заплатил. Пророчества Герофилы были двух видов: во-первых, предупреждения о несчастье и прорицания благоприятных событий в будущем, во-вторых, указания о том, какие именно жертвы нужно принести богам, чтобы умиловить их при тех или иных предзнаменованиях.

ях. С течением времени к этим предсказаниям добавились примечательные и достоверные пророчества частным лицам. И когда в дальнейшем, согласно тем или иным знаменаниям, Риму угрожали бедствия, сенат приказывал жрецам, в ведении которых были свитки с прорицаниями, справляться в них, и там всегда находился ответ. Дважды свитки были частично уничтожены во время пожаров, и утерянные пророчества восстанавливались жрецами по памяти. Во многих случаях память им, по-видимому, изменяла, поэтому Август решил отобрать заслуживающие доверия тексты предсказаний, исключив из списков явные интерполяции и восстановленные тексты. Он также изъял у населения и уничтожил все, какие только смог заполучить, сомнительные частные собрания пророчеств, общим числом более двух тысяч. Просмотренные свитки прорицаний Август запер в ларец, поставленный под пьедесталом статуи Аполлона в храме, который он построил на Палатинском холме возле своего дворца. Спустя некоторое время после смерти Августа в мои руки попала уникальная книга из его личной исторической библиотеки. Она называлась «Сивиллины диковины: исключенные из канона пророчества, сочтенные жрецами Аполлона поддельными». Стихи были переписаны прекрасным почерком Августа, с теми типичными для него ошибками, которые он сперва делал по невежеству, а затем не исправлял из гордости. Большая часть этих стихов, судя по всему, не произносилась ни одной из сивилл, в экстазе или без него, и была сочинена безответственными людьми, которые желали прославить себя и свой род или навлечь проклятие на род соперников и для того приписывали божественное происхождение собственным фантастическим вымыслам. Я заметил, что род Клавдиев больше всех усердствовал по части таких подделок. Однако я нашел там два или три стихотворения, судя по их языку, сравнительно старых и, по-ви-

димому, действительно вдохновленных богом, которые Август, чье слово было законом для жрецов Аполлона, не включил в канон из-за их вполне ясного и устрашающего смысла. У меня нет более этой книжицы. Но я помню слово в слово — да его и невозможно забыть — самое поразительное из этих несомненно подлинных предсказаний, записанных как по-гречески, так и, подобно большей части ранних пророчеств в каноне, в приблизительном переводе на латынь. Вот как оно звучит:

Минует век с Пунических войн —
К лохматому в рабство Рим попадет.
Лохматый сей, впрочем, будет лыс.
Одним он муж, а другим — жена.
Ему гарцевать на коне без копыт,
А жизни лишит его сын не сын,
И встретит он смерть не в бою.

И к власти придет лохматый второй,
Лохматому первому сын не сын.
Лохматый сей впрямь будет лохмат.
Он сделает мраморным глиняный Рим,
Но цепью невидимой свяжет его.
Погубит его жена не жена,
И рад будет гибели сын не сын.

Лохматый третий к власти придет,
Второму лохматому сын не сын.
И грязью покрыт, и кровью облит,
Лохматый сей, впрочем, будет лыс.
Победы и беды увидит с ним Рим.
А гибели рад будет сын не сын
С подушкой вместо меча.

Четвертый лохматый к власти придет,
Лохматому третьему сын не сын.
Лохматый сей, впрочем, будет лыс.
Кошунства и яды увидит с ним Рим,
Погибнет же он от удара коня,
Что в детстве его носил.

Лохматый пятый к власти придет,
Он к власти придет, не желая ее.
Его недоумком считают вокруг.
Лохматый сей впрямь будет лохмат.
Он воду даст Риму и хлеб зимой,
Погубит его жена не жена,
И рад будет гибели сын не сын.

Шестой лохматый к власти придет,
Лохматому пятому сын не сын.
Он даст Риму пляски, пожар и позор,
Родительской кровью себя запятнав.
Лохматый седьмой не придет никогда.
Кровь хлынет из гроба ручьем.

Августу, должно быть, было ясно, что первый из «лохматых», то есть Цезарь (ведь слово «цезарь» означает «волосатый»), — его двоюродный дядя Юлий, усыновивший его. Юлий был лыс и прославился своим блудом — равно с женщинами и с мужчинами; его боевой конь, как гласит молва, был чудовищем с человеческими ступнями вместо копыт. Юлий вышел живым из многих боев и погиб наконец в сенате от руки Брута. А Брут, хотя и считался сыном другого человека, был внебрачным сыном Юлия. «И ты, дитя?» — сказал Юлий, когда тот бросился на него с кинжалом. О Пунических войнах я уже писал. Во втором из цезарей Август наверняка узнал себя. И действительно, глядя под конец жизни на великолепные храмы и общественные здания, воздвигнутые на месте прежних по его указу, и думая о том, как он всю жизнь старался укрепить и прославить Рим, Август похвалялся, что получил Рим глиняным, а оставляет его в мраморе. Но тех вещей строк, что касались его смерти, он, по-видимому, или не понял, или не поверил им, однако совесть не позволила ему уничтожить стихотворение. Кто были третий, четвертый и пятый «лохматые», станет ясно из моей истории, и я действительно буду недоумком,

если, считая, что до сих пор прорицание во всех подробностях отвечает истине, не узнаю шестого «лохматого» и не порадуюсь за Рим, что шестому не наследует седьмой.

ГЛАВА 2

Я не помню отца, умершего, когда я был ребенком, но в юности я пользовался всяким случаем получить сведения о его жизни и личности у кого только мог — сенатора, солдата или раба, которые знали его, — и желательнее поподробней. Я начал писать его биографию как свою первую ученическую работу по истории, и, хотя бабка Ливия скоро положила ей конец, я продолжал собирать материал в надежде, что когда-нибудь смогу завершить свой труд. Я действительно закончил его — всего несколько дней назад, но даже сейчас будет бессмысленно пытаться представить эту биографию на суд широкой публики. Она настолько проникнута республиканским духом, что стоит Агриппинилле — моей теперешней жене — услышать о ее выходе в свет, как все экземпляры книги тотчас будут конфискованы, а мои незадачливые писцы пострадают из-за меня и моей опрометчивости. Хорошо, если им не переломают руки и не отрубят большой и указательный пальцы в знак ее особого благоволения. Как эта женщина ненавидит и презирает меня!

Отец всю жизнь был мне примером и повлиял на меня сильнее, чем кто-либо другой, не считая моего старшего брата Германика. А Германик был, по моему мнению, копией отца чертами лица, фигурой (за исключением тонких ног), смелостью, умом и благородством, поэтому они сливаются у меня в сознании воедино. Если бы я мог начать это повествование рассказом о своих ранних годах, предварив его всего нескольки-

ми словами о родителях, я бы так, несомненно, и сделал, ибо генеалогия и семейные предания — скучная материя. Но я не могу не написать, и довольно подробно, о своей бабке Ливии (единственной, кто был в живых из родителей моих родителей при моем рождении), потому что, к сожалению, она является главным персонажем в первой половине этой истории, и, если я не дам ясного представления о ее молодых годах, ее позднейшие поступки будут непонятны. Я уже упоминал, что она была замужем за императором Августом вторым браком, после того как развелась с моим дедом. Когда умер отец, она сделалась фактической главой нашего рода, заняв место моей матери Антонии, дяди Тиберия (официального главы семьи) и самого Августа, чьему могущественному покровительству отец вверил нас, детей, в своем завещании.

Ливия, так же как и дед, была из рода Клавдиев, одного из самых старинных в Риме. Существует народная баллада, которую еще и до сих пор поют старики, где в припеве говорится, что на древе Клавдиев растут два вида фруктов: сладкие яблоки и кислица — и кислицы больше. К кислице неизвестный автор баллады причисляет Аппия Клавдия Гордого, который чуть не вызвал в Риме мятеж тем, что попытался сделать рабыней свободнорожденную девушку по имени Виргиния и овладеть ею, и Клавдия Друза, который в дни республики предпринял попытку стать царем всей Италии, и Клодия Красивого, который, когда священные цыплята не хотели клевать зерно, бросил их в море, вскричав: «Тогда пусть попьют!» — и из-за этого проиграл важное морское сражение. А в число сладких яблок автор баллады включает Аппия Слепого, который отговорил римлян вступать в опасный союз с царем Пирром, и Клавдия Пия, изгнавшего карфагенян из Сицилии, и Клавдия Нерона (что на сабинском диалекте означает «сильный»), который разгромил Гасдрубала, когда тот

пришел из Испании, чтобы объединить свое войско с войском брата, великого Ганнибала. Эти трое были не только храбры и мудры, они были добродетельны. Автор баллады говорит также, что среди женщин рода Клавдиев тоже есть сладкие яблоки и кислица и кислицы больше.

Мой дед был одним из лучших Клавдиев. Полагая, что Юлий Цезарь — единственный, у кого в ту тяжелую пору хватит силы обеспечить Риму мир и безопасность, дед присоединился к партии цезарианцев и храбро бился на стороне Юлия во время войны с Египтом. Но, заподозрив, что Юлий стремится к личной власти, дед не пожелал содействовать его честолюбивым замыслам, хотя и не мог рискнуть пойти на открытый разрыв. Поэтому он попросил назначить его понтификом и был в этом качестве отправлен во Францию, чтобы основывать там колонии из солдат-ветеранов. Вернувшись после убийства Юлия, дед навлек на себя немилость молодого Августа, приемного сына Юлия, известного тогда под именем Октавиана, и его союзника, великого Марка Антония, тем, что осмелился предложить воздать почести тираноубийцам. Ему пришлось бежать из Рима. В смутах, которые последовали затем, он примыкал то к одной партии, то к другой — в зависимости от того, какая, по его мнению, боролась за правое дело.

41 г.
до н. э.

Одно время он был на стороне молодого Помпея, затем воевал вместе с братом Марка Антония, сражался против Августа в битве при Перузии в Этрурии. Но, убедившись наконец, что Август, верный памяти приемного отца и обязанный отомстить за его убийство — долг, который он выполнил без всякой пощады, — однако, не таит в душе желания стать тираном и хочет вернуть народу старинные вольности, дед перешел на его сторону и поселился в Риме с моей бабкой Ливией и дядей Тиберием, которому было тогда два года. Он больше не участвовал в гражданских вой-

нах, довольствуясь исполнением обязанностей понтифика.

Бабка Ливия была одной из худших Клавдиев. Она вполне могла бы быть своей перевоплотившейся в нее тезкой и родственницей, той Клавдией, сестрой Клодия Красивого, которой было предъявлено обвинение в государственной измене, потому что однажды, когда ее карету задержала уличная толпа, она воскликнула: «Ах, если бы мой брат был жив! Он пустил бы в ход хлыст, быстро бы всех разогнал». Когда один из защитников народа («трибун» по-латыни) подошел и сердито велел ей замолчать, напомнив, что ее брат из-за своего богохульства потерял римский флот, «Тем больше оснований желать, чтобы он был жив, — отпарировала она. — Он потерял бы еще один, а не то и, дай бог, два флота, и немного уменьшил бы эту мерзкую толпу». И затем добавила: «Я вижу, ты трибун, и твоя личность по закону неприкосновенна, но не забывай, что мы, Клавдии, не раз секли вас, народных защитников, и будь проклята твоя неприкосновенность!» Так же точно моя бабка Ливия отзывалась о римском народе в наши времена: «Чернь и рабы! Республика всегда была вздором. Что нужно Риму, так это царь». Так, во всяком случае, она говорила деду, доказывая ему, что Марк Антоний, Август (вернее сказать, Октавиан) и Лепид (богатый, но вялый патриций), управлявшие тогда римским государством, со временем поссорятся и, если он правильно поведет игру, использует свое положение понтифика и свою репутацию человека неподкупной честности, которой он славился у всех фракций, он может стать царем. Дед сурово велел ей замолчать: еще один совет в том же духе — и он с ней разведется (по старому обычаю, муж мог отослать жену обратно к родителям без публичных объяснений, вернув принесенное ею приданое, но оставив себе детей). На это бабка ничего не возразила, сделав вид, будто подчиня-

ется ему, но с этого момента их любовь умерла. Втайне от деда она тут же принялась оболящать Августа.

Это не составляло труда, так как Август был молод и легко поддавался женским чарам, а Ливия тщательно изучила его вкусы; кроме того, по всеобщему признанию, она была в то время одной из трех самых красивых женщин Рима. Она выбрала Августа, сочтя, что он будет лучшим орудием для достижения ее честолюбивых целей, чем Антоний, — Лепид вообще не шел в счет, — и не остановится ни перед чем, как показали проскрипции за два года до того, когда по личному приказу Августа две тысячи всадников и триста сенаторов, принадлежавших к враждебной фракции, были поголовно перебиты куда большим числом его сторонников. Увидев, что Август в ее руках, Ливия убедила его убрать Скри-

38 г.
до н. э.

бонию — женщину старше его, на которой он женился из политических соображений, — сказав, будто ей известно, что Скрибония изменяет ему с близким другом моего деда. Август с готовностью поверил ей, не настаивая на подробных доказательствах. Он развелся со Скрибонией, хотя она ни в чем не была повинна, в тот самый день, когда та родила ему дочь Юлию, которую он отобрал у роженицы, прежде чем она успела взглянуть на дитя, и отдал жене одного из своих вольноотпущенников, чтобы та вскормила ее. Бабка, которой тогда было всего семнадцать, на девять лет меньше, чем Августу, пошла к деду и сказала ему:

— Теперь разводись со мной. Я на пятом месяце беременности, и отец ребенка не ты. Я поклялась, что не рожу больше ребенка трусу, и намерена сдержать эту клятву.

Дед, что бы он ни почувствовал при этом признании, сказал только:

— Позови ко мне участника прелюбодеяния, и мы обсудим с ним все это без свидетелей.

На самом деле отцом ребенка был он сам, но дед этого не знал, и, когда бабка заявила, что ребенок зачат другим, он принял ее слова на веру. Дед с удивлением узнал, что обманул его не кто иной, как его мнимый, как оказалось, друг — Август, но пришел к заключению, что Ливия соблазнила его и он не устоял против ее красоты, а возможно, Август все еще имел на него зуб за некогда выдвинутое в сенате неудачное предложение наградить убийц Юлия Цезаря. Как бы то ни было, он ни в чем не упрекнул Августа и лишь сказал: «Если ты любишь эту женщину и женишься на ней как благородный человек, возьми ее, но пусть будут соблюдены приличия». Август обещал, что немедленно женится на Ливии и никогда не бросит ее, если она будет ему верна, поклявшись в том самыми страшными клятвами. И дед дал ей развод. Мне говорили, что он смотрел на ее связь с Августом как на наказание, ниспосланное ему богами за то, что однажды в Сицилии он по наущению бабки вооружил и поднял рабов против римских граждан, к тому же Ливия была из его собственного рода Клавдиев, и по этим двум причинам ему не хотелось публично ее позорить. Так что участвовал он в брачной церемонии через несколько недель после того и вручал Ливию ее будущему мужу, как сделал бы это отец, и пел со всеми свадебный гимн вовсе не из страха перед Августом. Когда я думаю о том, что дед нежно любил бабку и рисковал из-за своего великодушия быть обвиненным в трусости и сводничестве, я преисполняюсь восхищением перед его поступком.

Но Ливия не испытывала к нему благодарности, напротив, она пришла в ярость — ей показалось оскорбительным, что дед отнесся ко всему этому так спокойно и безропотно уступил ее, словно она ничего собой не представляла. И когда спустя три месяца Ливия родила ребенка, моего отца, она сильно разгневалась на

сестру Августа Октавию, жену Марка Антония, — вторые мои дед и бабка, — за ее эпиграмму, где говорилось, что родителям везет, когда у них рождаются дети через три месяца после зачатия — до сих пор так быстро вынашивали плод только кошки и суки. Не знаю, действительно ли Октавия сочинила стишок, но если и так, Ливия заставила ее дорого за это заплатить. Я все же думаю, что автором эпиграммы была не она, ведь Октавия и сама вышла за Марка Антония в то время, когда была беременна от своего умершего мужа, а, как говорит пословица, свояк свояка видит издалека. Однако Марк и Октавия вступили в брак из политических соображений, и их союз был узаконен специальным указом сената, — здесь не было страсти с одной стороны и личного честолюбия с другой. Если спросят, как получилось, что коллегия понтификов согласилась признать законность брака Августа и Ливии, ответ прост: мой дед и Август оба были понтификами, а великим понтификом был Лепид, который все делал по указке Августа.

Как только отца отняли от груди, Август отослал его в дом деда, где его воспитывали вместе с дядей Тиберием, который был старше отца на четыре года. Когда дети подросли и стали что-то понимать, дед взял их воспитание в свои руки, а не отдал их наставнику, как было принято в те времена. Он упорно внедрял в них ненависть к тирании и преданность старинным идеалам справедливости, свободы и добродетели. Бабка Ливия никак не могла примириться с тем, что сыновей забрали из-под ее опеки, хотя они ежедневно навещали ее во дворце Августа, находившемся по соседству с их родным домом на Палатинском холме, а когда она узна-

33 г. до н. э.	ла, в каком духе дед их воспитывает, ее это сильно обеспокоило. Дед внезапно умер во время обеда с друзьями, и возникло подозрение, что его
-------------------	---

отравили, но дело это замяли, так как в числе гостей были Ливия и Август. В завещании дед просил Августа взять его сыновей под свое покровительство. Тиберий, которому в то время было всего девять лет, произнес на похоронах отца надгробную речь.

Август горячо любил свою сестру Октавию и был весьма огорчен, когда — вскоре после свадьбы — узнал, что Антоний, отправившись на Восток завоевывать Парфию, остановился по пути в Египте и возобновил свою связь с египетской царицей Клеопатрой. Еще больше он огорчился по поводу оскорбительного письма, полученного Октавией от Антония, когда она в следующем году покинула Рим, чтобы помочь ему в его военной кампании деньгами и солдатами. В письме, которое догнало ее на полпути, ей холодно приказывалось вернуться в Рим и заниматься домашними делами; однако деньги и солдат Антоний принял. Ливия в глубине души была всем этим очень довольна, так как уже в течение долгого времени прилагала усилия, чтобы посеять между Августом и Антонием вражду, а Октавия столь же усердно старалась все недоразумения сгладить. Когда Октавия вернулась в Рим, Ливия попросила Августа предложить ей оставить дом мужа и поселиться у них во дворце. Октавия отказалась отчасти потому, что не доверяла Ливии, отчасти потому, что не хотела быть причиной надвигающейся войны. Кончилось тем, что подстрекаемый Клеопатрой Антоний послал Октавии сообщение о разводе и объявил войну Августу. Это была последняя гражданская война, смертельный поединок между единственными двумя людьми, оставшимися на ногах — если я могу позволить себе эту метафору — после всеобщей баталии на всемирной арене. Правда, Лепид все еще был жив, но находился в заточении; у него не осталось ничего, кроме имени, и он был вынужден припасть к стопам

Августа с мольбой о пощаде. Молодой Помпей, второе важное лицо империи, чей флот долгое время господствовал на Средиземном море, был к этому времени

31 г. до н. э.	также побежден Августом, а затем взят в плен и убит Антонием. Поединок между Августом и Антонием оказался коротким. Антоний был наголову разбит в морской битве при Акции у берегов Греции. Он спасся бегством в Александрию, где покончил с собой, как и Клеопатра. Август присвоил все завоеванные Антонием земли на Востоке и сделался — к чему и стремилась Ливия — единственным правителем Римской державы. Октавия осталась верна интересам детей Антония — не только сына его первой жены, но даже трех детей Клеопатры, девочки и двух мальчиков, — и воспитывала их вместе со своими двумя дочерьми, одна из которых, Антония Младшая, стала моей матерью. Душевное благородство Октавии вызвало в Риме всеобщее восхищение.
-------------------	---

Август управлял миром, а Ливия управляла Августом. Я должен здесь объяснить, чем была вызвана эта поразительная власть. Все всегда удивлялись, почему это у них нет детей, ведь бабка моя не была бесплодной, да и Август был, по слухам, отцом четырех детей, помимо Юлии, которая, без всякого сомнения, была его родной дочерью. Кроме того, все знали, что Август страшно влюблен в Ливию. Истинной причине их бездетности трудно поверить. А заключается она в том, что они так и не стали по-настоящему мужем и женой. Будучи вполне полноценным мужчиной с другими женщинами, Август оказывался бессильным, как ребенок, при сношениях, вернее, при попытке к ним с моей бабкой. Единственным разумным объяснением этому может служить то, что Август был по природе благочестивым человеком, хотя опасности, подстерегавшие его после убийства его двоюродного деда Юлия Цезаря, вынудили Августа прибегать к жестокости и даже

нарушать требования веры. Он знал, что его брак греховен, и мысль об этом, по-видимому, воздействовала на него, обуздывая его плоть.

Бабка, которой Август был нужен в первую очередь как орудие осуществления ее честолюбивых замыслов, а уж затем как любовник, была скорее рада его импотенции, чем сожалела о ней. Она увидела, что может использовать это как средство для подчинения его воли своей. Ливия бесконечно упрекала Августа за то, что он соблазнил ее и увел от любимого якобы мужа, уверяя ее в своей пылкой страсти и угрожая втайне деду, что если он не отступится от жены, то поплатится за это как враг народа (последнее было полнейшей ложью). Да, говорила Ливия, неплохо он ее обвел вокруг пальца! Страстный воздыхатель, оказывается, вообще не мужчина; любой нищий угольщик или раб больше мужчина, чем он! Даже Юлия не его дочь, и он это знает. Единственное, на что он способен, говорила она, — это ласкать да гладить, целовать да закатывать глаза, как поющий евнух. Напрасно Август доказывал, что с другими женщинами он настоящий Геркулес. Ливия или отказывалась ему верить, или обвиняла его в том, что он расточает на других женщин то, чего лишает ее. Но чтобы о них не сплетничали, она как-то раз сделала вид, будто беременна, а затем инсценировала выкидыш. Стыд и неутоленная страсть привязывали к ней Августа крепче, чем узы, которые возникли бы, если бы их взаимное влечение друг к другу удовлетворялось каждую ночь и Ливия народила бы ему дюжину прекрасных детей. Она очень заботилась о его здоровье и удобстве и оставалась ему верна, так как не была от природы чувственна и вожелела одного — власти, и Август был так ей за это благодарен, что позволил руководить собой во всех государственных и личных делах. Старые дворцовые слуги говорили мне по секрету, что после женитьбы на бабке Август даже не смотрел ни на

одну другую женщину. Однако по Риму ходили всевозможные слухи о его связях с женами и дочерьми различных знатных людей, и после его смерти, объясняя, как ей удалось полностью завладеть его чувствами, Ливия не раз утверждала, будто причиной тому была не только верность, но и то, что она никогда не препятствовала его временным увлечениям. Я полагаю, она сама распускала все эти слухи, чтобы ей было чем его упрекнуть.

Если у кого-нибудь возникнет вопрос, есть ли у меня достаточные основания для этой любопытной истории, могу ответить. Первую ее половину, касающуюся развода, я слышал из уст самой Ливии в год ее смерти. Остальное, относительно импотенции Августа, я узнал от женщины по имени Брисеида, камеристки моей матери, которая прислуживала еще бабке, и, так как ей тогда было всего семь лет, при ней не стеснялись вести разговоры, которые, как они полагали, она не могла понять. Я считаю, что мой рассказ соответствует истине, и буду и дальше так считать, пока его не заменят другим, который так же хорошо будет отвечать фактам. На мой взгляд, строка в предсказании сивиллы о «жене не жене» подтверждает мое объяснение. Увы, я сказал еще не все. Желая спасти доброе имя Августа, я умолчал о том, что все же сейчас расскажу. Ибо, как говорит пословица, шила в мешке не утаишь. Речь идет вот о чем. Ради того чтобы укрепить свою власть над Августом, бабушка Ливия по собственному почину предоставляла в его распоряжение красивых молодых женщин всякий раз, когда замечала, что его одолевает вожделение. Она устраивала это втайне, не говоря Августу ничего ни до, ни после, не давая воли ревности, которую она как законная жена должна была, по его убеждению, испытывать, и делала все тихо, не нарушая приличий, — молодых женщин, безмолвных в присутствии императора, словно духи, явившиеся ему во сне (Ливия

сама выбирала их на сирийском невольничьем рынке, так как Август предпочитал сириек), проводили ночью к нему в спальню, подав сигнал стуком в дверь и позвякиванием цепи, а рано утром с таким же сигналом уводили. То, что Ливия улаживала это так заботливо и оставалась ему верна, несмотря на его бессилие, Август, должно быть, считал доказательством самой искренней ее любви. Вы можете возразить, что Август в его положении мог утолить свой аппетит без помощи Ливии в качестве сводницы — самые прекрасные женщины мира, будь то рабыни или свободнорожденные, девицы или замужние, были готовы его улажить. Верно, но после женитьбы на Ливии ему, как он однажды сказал, ничего не лезло в горло, хотя, возможно, это могло, напротив, означать, что сама Ливия была не-съемобна.

Так что у Ливии не было оснований ревновать Августа, разве что к своей золовке, моей второй бабке, Октавии, чья добродетель вызывала у всех такое же восхищение, как ее красота. Ливии доставляло злобное удовольствие сочувствовать ей по поводу неверности Антония. Она дошла до того, что сказала, будто Октавия сама во всем виновата: нечего было так скромно одеваться и так чинно вести себя. Марк Антоний, указывала она, был человеком больших страстей, и, чтобы держать его в руках, женщина должна сочетать добродетель римской матроны с хитростями и уловками восточной куртизанки. Октавии надо было последовать примеру Клеопатры; египтянка, хоть и была старше Октавии на восемь лет и уступала ей в красоте, знала, как разжечь и как утолить похоть Антония. «Такие люди, как он, настоящие мужчины, предпочитают пикантное полезному, — нравоучительно заключала Ливия. — Для них червивый зеленый сыр вкуснее свежего творога». — «Держи своих червей при себе!» — вспыхивала Октавия.

Сама Ливия одевалась очень богато и употребляла самые дорогие восточные духи, но в домашнем хозяйстве не допускала никакой расточительности и вела его, как она хвалилась, в старинном римском духе по следующим правилам: простая, но обильная пища, регулярные семейные богослужения, никаких горячих ванн после еды, постоянная работа для всех и суровая экономия. Под «всеми» понимались не только рабы и вольноотпущенники, но и каждый член семьи. Бедняжка Юлия, тогда еще девочка, должна была подавать пример прилежания. Она вела очень тоскливую жизнь. Каждый день она чесала и пряла шерсть, ткала пряжу и занималась рукоделием; даже в зимние месяцы ее поднимали с жесткой постели до рассвета, чтобы она успела выполнить все свои задания. А поскольку мачеха считала, что девушки должны получать широкое общее образование, Юлии было велено, помимо всего прочего, выучить наизусть гомеровские «Илиаду» и «Одиссею».

Юлия должна была также для удобства Ливии вести дневник, где записывалось, какую она сделала работу, какие прочитала книги, какие вела разговоры и так далее, что было для девушки большим бременем. Ей не разрешалось заводить знакомство с мужчинами, хотя те не раз поднимали чаши в честь ее красоты. Один юноша из старинного рода, сын консула, известный безупречным поведением, набрался смелости представиться ей однажды в Байях под каким-то учтивым предлогом, когда она совершала свою ежедневную полчасовую прогулку у моря в сопровождении одной лишь дуэньи. Ливия, завидующая красоте Юлии и любви к ней Августа, отправила юноше очень суровое письмо, где говорилось, что ему нечего и ждать какого-либо общественного поста от отца девушки, чье доброе имя он пытался запятнать своим недопустимо фамильярным поступком. Саму Юлию также наказали — не разрешили выходить за пределы сада при вилле. Пример-

но в это время Юлия совершенно облысела. Я не знаю, приложила ли к этому руку Ливия, вполне возможно, что да, хотя, спору нет, в роду Цезарей все рано лысели. Так или иначе, Август нашел египетского мастера, который сделал ей великолепный белокурый парик, так что ее несчастье не только не уменьшило, а, напротив, усилило ее чары, — свои волосы были у нее очень хороши. Говорили, будто парик сделан не так, как обычно, на волосяной сетке, а представляет собой целый скальп, содранный с головы дочери одного из германских вождей и пригнанный по голове Юлии; а чтобы он оставался живым и мягким, в него время от времени втирали специальную мазь. Но должен сказать, что я этому не верю.

Все знали, что Ливия держит Августа в строгости, пусть и не в страхе, и он старается ни в коем случае ничем не обидеть ее. Однажды Август в качестве цензора выговаривал нескольким богатым римлянам за то, что они разрешают своим женам увешивать себя драгоценностями.

— Женщине не подобает, — сказал он, — слишком богато одеваться. Долг мужа — отвратить жену от роскоши.

Увлеченный собственным красноречием, он, к сожалению, добавил:

— Мне иногда приходится журить за это собственную жену.

С уст провинившихся сорвался восторженный крик.

— О Август, — воскликнули они, — скажи нам, какими именно словами ты журишь Ливию? Это послужит нам образцом.

Август был смущен и напуган.

— Вы неправильно меня поняли, — промолвил он, — я вовсе не говорил, что у меня когда-либо был повод упрекать Ливию. Как вы все прекрасно знаете, она

образец женской скромности. Но я, разумеется, не колеблясь сделал бы ей замечание, если бы она забыла свое достоинство и по примеру ваших жен нарядилась подобно александрийской танцовке, которая благодаря капризу судьбы стала вдовствующей царицей Армении.

В тот же самый вечер Ливия не преминула поставить Августа на место, явившись к обеду в самом фантастически роскошном одеянии, какое только смогла найти, — его основной частью было одно из платьев Клеопатры для торжественных церемоний. Но Август хорошо вышел из неловкого положения, похвалив Ливию за остроумную и своевременную пародию на тот недостаток, который он порицал.

Ливия стала умнее с тех пор, когда она советовала моему деду надеть на голову венец и объявить себя царем. Титул «царь» все еще вызывал ненависть в Риме из-за непопулярной династии Тарквиниев, с которой, согласно легенде, покончил первый Брут (я называю его так, чтобы вы не спутали его со вторым Брутом, убившим Юлия Цезаря), изгнав царскую фамилию из Рима и став одним из первых двух консулов Римской республики. Ливия уже поняла, что до тех пор, пока Август будет держать кормило власти, с самим титулом можно и подождать. Следуя ее совету, Август постепенно сосредоточил в своих руках все высшие должности республики. Он был консулом, а когда передал консульские полномочия надежному другу, сделался принцепсом, что, хотя номинально считалось равным консульству, было на практике выше его да и любого другого государственного поста. Под наблюдением Августа находились также все провинции, он назначал туда губернаторов, стоял во главе всех армий и имел прерогативу набирать рекрутов, объявлять войну и заключать мир. Его избрали пожизненно народным трибуном Рима, что позволяло ему беспрепятственно пользо-

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ГРЕЙВС
Я, КЛАВДИЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.08.2016. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,97. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAKB1730001R